

Николай Эдуардович Гейнце

Тайна высокого дома

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Николай Эдуардович Гейнце

Тайна высокого дома / Николай Эдуардович Гейнце – М.: Книга по Требованию, 2011. – 186 с.

ISBN 978-5-4241-1399-4

Первый роман, "Малюта Скуратов", Гейнце опубликовал в 1891 году, а всего на его счету несколько десятков романов ("Аракчеев", "Дочь Великого Петра", "Генералиссимус Суворов", "Ермак Тимофеевич" и др.). Его исторические романы - рассказывающие о событиях злободневных и представляющих интерес для читателей, хотя непритязательные и грешащие вымыслом, - пользовались большим успехом у публики и не раз переиздавались, а его имя стояло в одном ряду с такими литераторами, как П.Боборыкин, Вс.Гаршин, В. Короленко. Кроме того, Гейнце сочинял еще и уголовно-бытовые романы и повести ("В тине адвокатуры", "Женский яд", "В царстве привидений" и пр.) и пьесы.

ISBN 978-5-4241-1399-4

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Николай Эдуардович Гейнце
Тайна высокого дома

Часть первая

ДОЧЬ УБИЙЦЫ

I

ТАИНСТВЕННАЯ ЗАИМКА

На дворе стоял май 188... года.

Весна всюду праздновала победу над суровой сибирской зимой. Ласковую теплою разбила она ледяные оковы земли.

Реки вскрылись, и груды нагроможденных друг на друга рыхлых льдин уже давно пронесли по ним к полюсу — в царство вечного льда.

Тайга, этот девственный сибирский лес, давно, впрочем, оскверненный присутствием алчного человека, ожила, приделась в зеленый весенний наряд; там и сям между деревьями потекли мутные желтоватые ручьи, размывая золотоносную почву, и их шум сливался с шелестом деревьев в одну гармонию приветствия голубому, ясному небу.

«Заимка» к-ского первой гильдии купца Петра Иннокентьевича Толстых лежала верстах в двухстах от губернского города К., находящегося, выражаясь языком нашего законодательства, в отдаленнейших местах Сибири.

Впрочем и без предыдущих пояснительных строк самая фамилия владельца «заимки» делала ясным для читателя, что место действия этого правдивого повествования — та далекая страна золота и «классического Макара», где выброшенные за борт государственного корабля, именуемого центральной Россией, нашли себе приют разные нарушители закона, лихие люди, бродяги, нашли и осели, обзавелись семьей, наплодили детей, от которых пошло дальнейшее потомство, и образовали, таким образом, целые роды, носящие фамилии Толстых, Гладких, Беспрозованных, Неизвестных и тому подобных, родословное дерево которых, несомненно, то самое, из которых сделана «русская» скамья подсудимых.

«Заимками» в Сибири называются разбросанные там и сям на ее необозримом пространстве хутора, стоящие вдали от селений.

Кругом избы, двора с крепкими тесовыми воротами и высоким забором, за которым находится надворная постройка, идет огороженный невысоким тыном огород и сад — пчельник; далее же лежат пашни; их площадь не определена, сколько сил и зерна хватит, столько и сеют — земли не заказанные, бери — не хочу. Занял то или другое количество десятин — все твои, отсюда и слово «заимка».

Такова общая физиономия сибирских заимок.

Заимка Толстых, впрочем, отличалась от прочих.

Она стояла недалеко от тайги, близ обширных, принадлежащих Петру Иннокентьевичу, присков, а самая постройка дома, где за последние два десятка лет почти безвыездно, кроме трех-четырех зимних месяцев, жил семидесятилетний хозяин, отличалась городской архитектурой, дом был двухэтажный, с высоким бельведером и высился над остальными постройками и казармами для присковых рабочих, окруженный прекрасным садом, на высоком в этом месте берегу Енисея. По далекой окрестности до самого губернского города К. он слыл под прозвищем «высокого дома».

Кругом обширного пространства, занятого заимкой и присками Толстых, разбросаны были избышки крестьян-приискателей.

Все дышало таинственностью на заимке Петра Иннокентьевича, начиная с образа жизни ее хозяина.

Он лишь изредка покидал свою комнату. Видимо было, что какое-то несчастье, несмотря на его богатство, тяготело над ним. Его лицо, состарившееся скорее от внутренних душевных страданий, нежели от преклонности лет, красноречиво подтверждало это.

Сгорбившаяся, еле волочащая ноги, но до сих пор атлетически сложенная фигура указывала, что одно время не могло осилить такого железного организма, а старожилы окрестностей и города К. утверждали, что старик Толстых вел и в молодых годах скромную жизнь, не предаваясь излишества, которые могли бы истощить его крепкую натуру.

Многочисленная прислуга заимки шепотом передавала, что уже несколько лет, как хозяин почти целые ночи проводит без сна, а если заснет, то его, видимо, мучают ужасные сновидения — он вскакивает, обливаясь потом, и в этих полу-просонках ему кажется, что комната его наполняется грозными привидениями. Он узнает в них давно сошедших в могилу людей.

Один с простреленной грудью, из раны которого течет столько крови, что кажется затопит всю комнату, другой в арестантской шапке на полуобритой голове смотрит на него с упреком и задает ему роковые вопросы.

Тут же видит он открытый гроб, в котором покоится полусгнившее тело, с искаженными чертами почерневшего лица, на котором он читает роковое слово: убийца.

Все это можно было заключить из бессвязного, полубессознательного бреда, которым сопровождается краткий, мучительный сон, или скорее забытье несчастного богача.

Все эти терзавшие Петра Иннокентьевича муки передавал он лишь своему служащему и другу, который вел все громадное приисковое дело, Иннокентию Антиповичу Gladких. Это был высокий старик, с добродушным, открытым лицом и длинною, седою бородою, однолесток Толстых, но еще бодрый и сильный, казавшийся несравненно моложе своих лет. Глядя на его коренастую фигуру, невольно приходила на память русская поговорка: «не ладно скроен, да крепко шит».

Ему и понятным лишь для него языком Петр Иннокентьевич порой задавал мучающие его вопросы:

— Где моя дочь? Где моя дочь?

Гладких низко опускал долу свою как лунь седую голову и неизменно отвечал:

— Не знаю! С тех пор, как я видел ее последний раз в К., прошло уже много лет. Она исчезла вместе с ребенком. Я разыскивал их долго, но безуспешно. Что с ними случилось и где они — я не знаю.

Петр Иннокентьевич в отчаянии рвал на себе волосы. Он готов был отдать все свое богатство за один лишь миг свидания со своей исчезнувшей дочерью, но слова Gladких: «Что с ними случилось и где они — я не знаю» — похоронным звоном отдавались в его ушах.

Иннокентий Gladких, как мы сказали, вел все дело — он уже в течении двух десятков лет считался полновластным хозяином приисков и за эти годы почти

удвоил колоссальное состояние Петра Иннокентьевича. Он был молчалив и не любил распространяться о прошлом, и, таким образом, тайна заимки Толстых находилась в надежных руках.

Догадки, построенные на сообщении слуг о бессвязном бреде настоящего хозяина заимки, с которыми мы познакомили наших читателей, не могли удовлетворить любознательность окрестных жителей и жителей города К.

Подробные расспросы их, впрочем, не вели ни к чему — тайна заимки оставалась не раскрытой уже два десятка лет — взрослые того времени перемерли, а дети стали теперь взрослыми, но ничего не помнят из их раннего детства и на допытывания любопытных указывают лишь на одно место около сада Толстых, говоря:

— Здесь было совершено убийство.

Ничего большего разузнать невозможно.

Кроме двух стариков в высоком доме жила молодая девушка — вторая дочь Петра Иннокентьевича — Татьяна Петровна. Ей шел двадцать первый год, но на вид никто не дал бы ей более шестнадцати — ее тоненькая фигурка, розовый цвет лица, с наивным, чисто детским выражением не могли навести никого на мысль, что она уже давно взрослая девушка-невеста.

Золотистая коса оттягивала несколько назад миниатюрную головку, а большие голубые глаза дышали такой чистотой и доверием к людям, что человек с мало-мальски нечистой совестью не мог выносить их взгляда без внутреннего раскаяния.

Такое действие производила она на беззаветно любивших ее слуг и даже на поселенцев — приисковых рабочих.

— Так ей в ноги бухнуться и тынет, да во всем покаяться, в душу так и глядит, словно ангел Божий, и все твое нутро переворачивает! — говорили о ней последние.

Петр Иннокентьевич любил ее, но какою-то порывистою, неровною любовью, которая причиняла ему порой жгучее страдание.

Положительно боготворил свою ненаглядную Танюшу и ее крестный отец Иннокентий Антипович.

II ПЛЕМЯННИК

Татьяна Петровна с наступлением весенних дней большую часть дня проводила вне дома, то в садовой беседке, то гуляя по берегу катящего быстро свои волны многоводного Енисея.

Изредка она гуляла с отцом, чаще с «крестным», как она звала Иннокентия Антиповича, в большинстве случаев — одна.

В день, с которого начинается наш рассказ, она, по обыкновению, утром вышла в сад, одетая в простенькое платье из серой материи и круглую широкополую шляпу из русской соломы.

Не успела она сделать несколько шагов, как ей навстречу попался молодой человек, высокого роста, довольно красивый, если бы выражение его правильного лица, обрамленного каштановыми волосами, с такой же маленькой пушистой бородкой, не было бы пронырливо-хитрым и взгляд, глядящих исподлобья, карих глаз не блестел бы порой каким-то стальным, отталкивающим блеском.

Маленькие усики оттеняли толстые чувственные губы; одет он был в длиннопо-
лый черный сюртук и сапоги бураками, а черный картуз был надвинут на голову
несколько набекрень.

— Гуляете, Танюша? — вкрадчиво улыбнулся он.

— Да. Не видели ли вы крестного?

— Он, кажется, в приисковой конторе...

— В таком случае я подожду его...

— Хотите пройтись со мной, я провожу вас, куда вы пожелаете.

— Нет, спасибо, если я не дожусь крестного, то пойду одна.

Молодой человек закусил нижнюю губу, и его глаза блеснули стальным
блеском.

— Что вы имеете против меня, Танюша? Я давно замечаю, что я для вас хуже
всякого рабочего-поселенца, а, между тем, я все же вам несколько сродни.

— Я знаю это... Но что же в моих словах нашли обидного?

— Ничего... — сквозь зубы вымолвил он, — но только вы меня не любите.

— Я люблю всех, Семен Семенович... — просто отвечала Таня.

— Но вы не солжете... Ведь я вам не нравлюсь?..

— Кто сказал вам это? Да если бы это было и так...

— Видите ли... вы сознаетесь... А я люблю вас, Танюша, и если бы вы
только захотели, если бы вы захотели, то в высоком доме скоро бы отпразднова-
ли счастливую свадьбу.

Татьяна Петровна зарделась, как маков цвет. Она только что хотела ответить,
как из-за угла аллеи, у которого они стояли, показался Гладких.

Лицо его было чрезвычайно серьезно.

Он слышал их разговор от слова до слова.

— А, вот и крестный! — бросилась к нему молодая девушка, не обращая
более внимания на своего влюбленного троюродного брата.

— Ты пойдешь гулять со мной? — спросила она, бросаясь к нему на шею.

— Нет, сегодня я не могу, ступай одна, моя радость, только не ходи далеко,
еще сыро, а мне нужно поговорить с Семеном.

— Ты слышал, что он говорил? — шепнула она Иннокентию Антиповичу.

— Да.

— Так ответь ему за меня. Я лучше весь свой век останусь в старых девах,
чем пойду за него, если бы даже он не был моим троюродным братом.

С этими словами она поцеловала старика в обе щеки и вприпрыжку побежа-
ла из сада.

Семен Семенович хотел тоже уйти, но Гладких остановил его.

— Нам надо с тобой серьезно потолковать, Семен.

— О чем бы это?

— С некоторых пор ты позволяешь себе лишнее в отношении Татьяны. Мне
это не нравится! — строго заметил старик.

— Разве с ней нельзя даже разговаривать? — вместо ответа нахально спросил
тот. — Я, напротив, с ней очень вежлив.

— Посмотрел бы я, если бы ты осмелился быть с ней невежливым, твоего
духу не было бы здесь ни одной минуты...

Семен побледнел, и нехорошая улыбка перекосила его губы.

— Мне кажется, что мой дядя немножко больше здесь хозяин, чем вы...

— Я очень хорошо знаю, что такое здесь твой дядя, но также хорошо знаю, что такое здесь я. Ты же здесь только младший конторщик, на эту должность я тебя сюда принял. Советую тебе это помнить. Я говорю теперь тебе это добром, а при следующем лишнем слове, сказанном тобою Танюше, ты соберешь свои манатки и отправишься восвояси в К.

— Не запретите ли вы мне любить ее?

— Берегись, повторяю тебе.

— Но у меня серьезные намерения — я хочу жениться на ней.

— Да она-то не хочет выходить за тебя.

— Это покажет время...

— Не ты... — окончательно рассердившись, захрипел старик, — слышишь ли, не ты и ни кто из тех, кто сватался уже за нее, не будет ее мужем.

— Что мне за дело до других, мне в пору заботиться лишь о себе, и я не вижу причины, почему Таня мне может отказать в своей руке... Мы, кажется, ровня и пара.

— Что ты хочешь этим сказать?..

— То, что у нас с ней у обоих ничего нет, а если она рассчитывает на наследство после моего дяди, то у меня с моим отцом есть еще больше прав на его деньги. Вы не будете, надеюсь, против этого спорить, Иннокентий Антипович.

Последний сверкнул глазами и, скрестив на груди руки, сказал:

— Это, по крайней мере, честно и прямо сказано. Но, милый мой, мне давно ясны расчеты и твоего отца, и твои, ясны с того момента, как ты явился сюда. Твой старик, видимо, рассудил так: Мария исчезла, Мария умерла, значит, высокий дом и все состояние моего двоюродного брата принадлежит мне. Но он боится, что Петр может завещать все маленькой Тане и предусматривает и этот случай. Семен должен жениться на Татьяне. Для этого-то ты и поступил сюда в конторщики. Расчет твоего отца довольно хитер, но к сожалению, не верен, так как Танюша не будет твоей женой, и ни ты, ни твой отец не получите из наследства Петра ни одного гроша. Слышал?

— Слышал! — подавленным, злобным голосом прохрипел молодой человек. — И вы находите с вашей стороны честным лишить нас наследства?

— Иннокентий Гладких не дает отчета в своих делах никому, кроме Бога.

— Соглашаюсь, что ваши расчеты куда тоньше наших, и разгадать их, может быть, удастся лишь со временем. Вас не прельщают деньги. Я знаю, что вы не жадны до них. Что заставляет вас так покровительствовать дочери каторжника?

Гладких весь побагровел. Черты лица его страшно исказились. Он окинул дерзкого полным непримиримой злобы взглядом.

— Несчастный, — прохрипел он, — замолчи лучше... Еще одно слово, и я не ручаюсь за себя.

— Я кончил! — насмешливо отвечал Семенов и торопливо удалился.

— Гадина! — глухо пробормотал вслед ему Гладких. — Наконец-то ты сбросил с себя личину и показал свои волчьи зубы. Попробуй бороться со мной — я раздавлю тебя. Я буду следить за каждым твоим шагом.

Он медленно вышел из сада и направился на прииск. Там кипела работа, — работа нищих над добычей золота. Роковая несообразность жизни! Золото добыто, но кем и как — зачем знать нам. Нам надо лишь одно — золото.

По московско-сибирскому тракту тянется ряд повозок, окруженных конвоем.

Это идет караван с добытым на приисках золотом. В дно каждой повозки вделан ящик с драгоценным металлом.

На монетном дворе это золото превращается в полуимпериалы. В какие красивые стопки укладывается он — этот изящный, блестящий, желтенький кружочек! Как удобно, не говоря уже о том, как приятно класть его в кошелек!

Родится ребенок. Его крестный отец кладет под подушку матери, лежащей в батисте и кружевах, на зубок новорожденного, полуимпериал. Богач ставит его на карту, покупает на него любовь и ласку, почет и уважение. Еврей готов продать за него себя хоть по фунтам.

Наличность этих красивых монет обуславливает людское счастье, доставляет радость и довольство — таково мнение большинства. Каждый стремится добыть его. С улыбкой он получается, с гримасой он отдается. Всюду и везде полуимпериал — современный Архимедов рычаг, способный перевернуть мир.

Но задумывается ли кто-нибудь, каким тяжелым, поистине каторжным трудом, добывается оно в Сибири? Немногие, думаю, знают даже, как и кем производится эта добыча?

Читатель, надеюсь, не посетует, если я расскажу ему это.

III ОКОЛО ЗОЛОТА

По трактовым и проселочным дорогам уже с первых чисел марта начинают двигаться толпы оборванных, полуобнаженных людей.

Сгорбленные фигуры, то изможденные, то зверские лица, лохмотья, которым не подыщешь названия, пьяные возгласы, стоны, проклятия, смешанные с ухарскою, бесшабашною песнею, — это партии рабочих, направляющиеся в тайгу на добычу золота.

Сзади каждой партии едет в накладушке¹ степенный откормленный приказчик. За ним двигается воз, нагруженный разного рода одеждой для партии: тут и озямы,² и однорядки, рубахи, сапоги, бродки³ и прочее.

Путь долог. Расстояния между селениями попадают на сто верст. Мешки с провизией за спинами рабочих истощаются, ноша становится легче, но и желудки под час пустуют, а это облегчение далеко не из приятных. Наконец показалось и селение.

Привал.

Селение приготовилось к встрече. Кабатчик торжествует. Заготовленные запасы дурманного зелья идут в ход. У питейного дома толпа. Пропиваются остатки полученных задатков, еще не пропитые на месте получения, пропиваются последняя одежда и обувь.

Приказчик производит новый наем рабочих, выдает задатки, одежду, — но и их постигает та же участь.

К избе, занятой приказчиком, ранним утром другого дня собираются полупьяные, неспавшиеся рабочие.

Большинство с еле прикрытым пестрядинною разодранною рубашкою телом (целовальник, видимо, не взял); некоторые, совсем обнаженные, требуют одежды, обуви, денег.

Приказчик, занимавшийся чайком, отрывается от самовара.

— Идти как же? — вопросительно глядят они посоловевшими глазами на

вышедшего из избы приказчика.

— А зачем пропивали? Идите, в чем мать родила, утробы ненасытные! — напускается он на них.

— Нет, уж это ты погодишь! — слышатся возгласы.

— Нанялся — иди, а не хошь — в полицию! — хорохорится приказчик.

— Не пугай, не испугаешь; нами сызмальства только три места и облюбованы: полиция, тюрьма да больница! — острят в ответ рабочие.

Толпа раздражается пьяным хохотом.

Приказчик еще ломается некоторое время, но только для виду. От целовальника им уже с вечера взяты все заклады, со скидкой, и сложены на воз.

Начинается вновь раздача одежды или обуви и запись на счет, но уже по возвышенным ценам; даются и деньжонки.

Партия трогается в путь с запасом провизии и водки на похмелье.

Так до следующего привала, а там та же история.

В тайгу рабочие приходят, уже забрав почти за все время деньги; в лучшем случае остаются к получению гроши. Люди закабалены.

Кто же эти люди?

Подонки даже Сибири. Работящий ссыльный поселенец не пойдет в тайгу, не найдется на прииски.

Приисковый рабочий — отпетый: летом в тайге, зимой в остроге — вот его жизнь. Заработков с прииска не приносят, а труд каторжный.

Разведка, шурфовка и промывка золота производится по течению местных речек и ручьев, в болотистых местах.

От мошки, этого бича приисковых рабочих, одной из казней египетских, не спасает и толстый слой дегтя на лице и теле, она жалит немилосердно, залепляет глаза, лезет в рот и уши.

Болотные испарения также дают себя знать: цынга, скорбут и другие болезни валят людей. Плохая пища пучит карманы золотопромышленников и животы рабочих.

Работы на приисках начинаются с конца марта, когда и прибывают туда нанятые артели или партии из поселенцев.

Каждая артель приводит с собой на прииск кухарку. Первое дело по приходе на прииск — это приведение в порядок отведенной для артели казармы.

Все казармы на зиму оставляются без окон, и только к весне артельщики получают из хозяйских амбаров рамы, железные печки и трубы; все это они сами прибывают и устанавливают.

Подчас самим же приходится класть печку из камня для выпекания хлеба.

До начала промывки золота все рабочие заняты заготовкой дров на все лето, чтобы потом не отрываться от дела, а также переметкой хозяйского прошлогоднего сена и засолом мороженого мяса.

Как только весеннее солнце пригреет, а снег начнет таять и начнут образовываться прогалины, каждая артель поглощена устройством приспособлений для промывки золота.

Характерный признак каждого прииска — это «плотки» или широкие желоба на столбах для приема воды сверху в машину. Машины для промывки золота по наружному виду напоминают водяные мельницы.

Починкой этих-то «плотков» или же установкой новых желобов, бутар, колод

с необходимым возле них «вашгертом» и заняты прибывшие артели.

Артельщик ходит по целым дням с ендовой и лопатой и берет пробы со всех отвесов и различных разрезов, какие находятся на прииске, чтобы начать промывку наверх. Иногда случается, что пески, при неопытности артельщика, дают хорошую пробу, на промывке же оказываются никуда негодными, иногда же наоборот.

Такая же работа в описываемое нами время происходила и на приисках Петра Иннокентьевича Толстых, но в значительно больших размерах.

К чести Петра Иннокентьевича Толстых и его друга и доверенного Иннокентия Антиповича Гладких надо заметить, что принадлежащий первому громадный по заявленной площади прииск считался раем для рабочих, сравнительно с другими, так как пищи было вдоволь и расчет велся на совесть, да и самый прииск лежал на сравнительно здоровой местности.

Слава о таких исключительных приисковых порядках шла по всей Сибири среди поселенцев, и попасть на прииск к Толстым считалось «фартом», то есть счастьем.

IV ВАРНАК

Татьяна Петровна, между тем, выбежав из сада, остановилась, а затем медленно, шагом прогулки, пошла в сторону от дороги, где вдалеке, так и сям виднелись избы мелких приискателей-крестьян.

Такие приискатели всегда в большем или меньшем количестве ютятся вокруг крупных приисков, принадлежащих богатым золотопромышленникам.

Они работают на свой страх вне черты заявленной последними площади прииска, но за неимением книг, в которые могли бы записывать золото, приносят золотопромышленнику и продают со значительною скидкой, и это купленное золото значится в книге, как бы добытое на заявленном прииске.

Ввиду того, что на прииске Толстых за доставляемое золото давали «божеские цены», приискателей-крестьян вокруг него собрался почти целый поселок, с маленькою деревянною церковью, существующей уже десятки лет, чуть ли не с первых годов открытия прииска, который в течение этих лет все более и более уходил в глубь тайги, вследствие заявления все новых и новых площадей.

Добыча крестьян-приискателей, вследствие этого, год от году уменьшалась, но они не уходили с насиженных еще их отцами мест, обжились на них и довольствовались малым. Некоторые занялись даже хлебопашеством, хотя неблагоприятная в этих местах Сибири почва не часто радовала их урожаем.

За поселком находился заброшенный прииск, уже окончательно истощенный, но он был все-таки куплен у бывшего золотопромышленника каким-то оборотистым к-ским мещанином Харитоном Безымянным, и в нем для виду копалось несколько рабочих.

Все достоинство этого прииска, из которого было взято все, что можно было взять, было то, что он лежал на пути возвращения приисковых рабочих. Такие прииски называются «половинками», то есть лежащими на полпути.

Во время работ на других приисках на половинках тихо и пусто, работа на них начинается с осени. Золото, приходящее тогда извне, разносится по книгам, как добытое на прииске.